

Лашков Федор Федорович

**Шагин-Гирей, последний
крымский хан**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Федорович Л.**
Шагин-Гирей, последний крымский хан / Лашков Федор Федорович – М.: Книга по Тре-
бованию, 2023. – 46 с.

ISBN 978-5-519-92605-8

ISBN 978-5-519-92605-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

А вѣсти были не добрыя. Планъ Екатерины, составленный ею въ самомъ началѣ войны и переданный начальнику 2-й арміи Панину для исполненія—оторвать татаръ отъ Порты и, сдѣлавъ изъ нихъ независимое государство, «лишить тѣмъ Турцію правой руки»¹⁾, сталъ осуществляться. (Побѣды Румянцева при Ларгѣ и Кагулѣ въ іюлѣ 1770 года, взятіе въ сентябрѣ Бендеръ Панинымъ сильно подѣйствовали на ногайцевъ. Чтобы получить доступъ на родныя степи, ногайскія орды едисанцевъ и буджаковъ отказываются отъ турецкой зависимости, которая при теперешнихъ обстоятельствахъ могла быть для нихъ только вредна, и вступаютъ въ союзъ съ Россіей. Тогда кочевники, оставивъ Панину своихъ аманатовъ, были перепущены чрезъ Днѣстръ²⁾). Послѣ этого Панинъ разослалъ своихъ агентовъ—запорожскихъ козаковъ и нѣкоторыхъ присланныхъ имъ мурзъ во всѣ ногайскія кочевья и въ Крымъ. Едичкулы и джамбулуки безъ труда склонились на убѣжденія панинскихъ агентовъ, въ силу тѣхъ-же соображеній, которыми руководствовались родичи ихъ едисанцы и буджаки, отказавшись отъ Турціи, отъ которой они не чаяли для себя пользы. Жившіе въ сѣверной части Крыма стали выходить отдѣльными аулами на соединеніе съ своими: вышли многіе едичкулы, потянулись къ едисанцамъ и джамбулуки, спѣшившіе увѣрить главу едисанцевъ Джанъ-Мамбета, усердно хлопотавшаго во имя союза съ Россіей, въ своемъ отступленіи отъ Порты³⁾). Всѣ они собрались главнымъ станомъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, куда были переведены и присягнувшіе уже Россіи едисанцы и буджаки. Пока на Днѣпрѣ кочевники толковали о новомъ своемъ положеніи и заняты были окончательнымъ улаженіемъ дѣла, панинскіе агенты вербовали приверженцевъ въ Крыму.

Опасность со стороны Россіи, слабость Турціи, отступленіе едисанцевъ и буджаковъ, выходъ едичкуловъ изъ Крыма, наконецъ панинскія обѣщанія—все это произвело расколъ въ Крыму. Одни изъ личныхъ выгодъ, другіе, въ виду безпомощнаго положенія отечества и опасности, грозившей со стороны Россіи, третьи, подчи-

¹⁾ Архивъ Госуд. Сов., т. I, стр. 7.

²⁾ Ibid., 56 стр.

³⁾ Ист. Рос. Солов., 28 т., 124 стр.

няясь губительному дѣйствию примѣра, соглашались съ панинскими предложеніями. Началась «негоціація» съ крымцами, при которой въ качествѣ знатока крымскихъ дѣлъ состоялъ переводчикъ Якубъ-Ага ¹⁾. Но негоціація шла вяло. Она показала, что происходившее въ Крыму, не болѣе, какъ одно шатаніе, которое не дастъ рѣшительныхъ результатовъ до того времени, пока крымцамъ не будетъ показана опасность огня и меча. Только этимъ можно было вынудить у крымцевъ то, на что кочевники соглашались легко и добровольно. Тогда рѣшились употребить сильную мѣру и по плану войны второй арміи назначено было идти въ Крымъ ²⁾. Начальствованіе надъ этой арміей было отнято у Панина и передано Долгорукову, а веденіе татарской негоціаціи поручено правителю слободской губерніи Щербинину, въ помощь которому былъ данъ Веселичій ³⁾.

Но прежде чѣмъ идти въ Крымъ, главнокомандующій попробовалъ мирные переговоры, и съ этою цѣлью посылаетъ въ Бахчисарай Мавроени, брата вѣрнаго Джанъ-Мамбета, Мелису-мурзу и, въ качествѣ повѣреннаго отъ джамбулуковъ, Али-агу. Посланные явились съ рѣшительнымъ предложеніемъ отъ главнокомандующаго. Хана Селимъ-Гирея въ то время не было въ Крыму; онъ былъ на Дунаѣ и мѣсто его заступалъ паша (вице-ханъ, наслѣдникъ). Въ отвѣтъ на заявленное предложеніе, паша велѣлъ посадить пословъ подъ стражу и затѣмъ созвалъ совѣтъ вельможъ, на которомъ присутствовалъ, въ числѣ другихъ, и Шагинъ-Гирей. Совѣтъ началъ съ того, что рѣшилъ вѣшать такихъ людей, которые, подобно Мавроени, пріѣзжаютъ возмущать народъ, а своихъ, какъ Мелису-мурзу и Али-агу, съечь живыми ⁴⁾. Въ эту рѣшительную минуту выступилъ Шагинъ.

Уже давно приближенные видѣли Шагина занятого какой-то мыслью и имѣвшаго озабоченный видъ. Съ одной стороны онъ ясно сознавалъ дѣйствительное положеніе Крыма, которому Турція не могла оказать помощи и въ который готовы вступить русскіе, ясно пред-

¹⁾ Зап. Од. Общ. Ист. и Древ., т. XIII, 255 стр. Архивъ Госуд. Совѣта т. I, 67 стр.

²⁾ Арх. Госуд. Сов., т. I, 67 стр.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ист. Рос. Слов., 28 т., 221, 222 стр.

ставлялъ себѣ выходъ изъ подобнаго положенія и потому въ душѣ вполнѣ раздѣлялъ предложенія панинскихъ агентовъ, тѣмъ болѣе, что эти предложенія могли коснуться его, Гирея, самой выгодной стороной. Съ другой стороны важность дѣла и соединенныхъ съ нимъ послѣдствій, его неизвѣстность, желаніе дѣйствовать на вѣрняка—заставляли его выжидать болѣе удобной минуты. Она наступила: Мавроени объявляетъ рѣшительное предложеніе главнокомандующаго, а татарскіе послы окончательное рѣшеніе отпавшихъ собратій. Между тѣмъ калга и совѣтъ въ отвѣтъ на такія заявленія рѣшаютъ оборвать однимъ ударомъ всѣ свои отношенія къ Россіи и къ отложившимся татарамъ и выступить на путь совершенно имъ враждебный. И вотъ Шагинъ на предложеніе совѣта казнить пословъ заявляетъ, что отъ гибели Мавроени Россія не потерпитъ ущерба, но гибель его не принесетъ добра и Крыму ¹⁾; послѣ этого милости отъ Россіи нечего будетъ ждать, заключилъ Шагинъ. Оказалось, что его поддерживалъ глава духовныхъ казамеръ-эфендіи и ихъ мнѣніе произвело свое дѣйствіе. Черезъ нѣсколько дней Мавроени освобождаютъ и вмѣстѣ съ своими высылаютъ изъ Бахчисарая, въ Россію-же отправляютъ письмо совершенно неопредѣленное, такое, которымъ старались не досадить, вручивъ оное посланнымъ татарамъ.

Мавроени оставилъ Бахчисарай въ болѣе свѣтломъ настроеніи. Онъ везъ извѣстіе едисанцамъ о бывшемъ ихъ сераскирѣ, съ которымъ успѣлъ довольно познакомиться. Извѣстіе радостное: Сераскиръ хвалилъ едисанцевъ и обѣщалъ имъ помощь, обѣщалъ пересылаться. Джанъ Мамбетъ не заставилъ себя ожидать, сталъ писать Шагину, Шагинъ ему и въ результатъ этой переписки выяснились виды обоихъ лицъ. «Хочу писать къ нему, что-бы выѣхалъ къ намъ изъ Крыма, потому что съ его выѣздомъ между крымцами послѣдуетъ великая перемѣна: изъ всѣхъ Гиреевъ одинъ этотъ султанъ всѣмъ народомъ любимъ», говорилъ Джанъ Мамбетъ Веселицкому, прибывшему въ едисанскія кочевья у Конскихъ Водъ ²⁾. Пришло и другое извѣстіе. Къ Веселицкому явился Абдуль-Керимъ эфенди, увѣрялъ въ вѣрности и твердости едисанцевъ и буджа-

¹⁾ Ibid.

²⁾ Ibid. 223 стр.

ковъ и объявилъ, что все благонамѣренное общество очень желаетъ выбрать въ ханы Шагинъ-Гирея, если это императрицѣ будетъ угодно. 8-го апрѣля 1771-го года Щербининъ даетъ знать объ этомъ въ Петербургъ и спрашиваетъ, какъ поступить съ предложеніемъ, избрать ли, т. е., для отступившихъ отъ Порты ногайцевъ особаго хана, чтобы этимъ положить начало независимости татаръ. Но въ Петербургѣ интересовались не столько ногайцами, сколько Крымомъ и ожидали болѣе благодѣтельныхъ послѣдствій для татарской негодіаціи отъ подготавливавшагося въ Крымъ похода, чѣмъ отъ ногайскихъ предложеній. Вотъ почему 13 мая пришелъ отвѣтъ: поддерживать ногайцевъ и ихъ предложеніе, но ничего не предпринимать для его осуществленія¹⁾. Лучшее всего заняться передвиженіемъ ордъ для того, что-бы очистить второй арміи дорогу въ Крымъ. Дѣйствительно сильная мѣра противъ Крыма была принята: 14 іюля армія во главѣ съ Долгоруковымъ была уже за Перекопомъ и побѣдоносно направлялась въ самый центръ ханства. Спустя двѣ недѣли съ небольшимъ всѣ крымскіе города находились въ рукахъ русскаго войска. Взятіемъ Керчи окончился походъ, прибывшая къ Кафѣ турецкая помощь была отбита, крымцы смирились и согласились отказаться отъ зависимости Турціи, согласились вступить въ союзъ съ Россіей. Во время этихъ переговоровъ ханъ Селимъ бѣжалъ въ Турцію и крымскій престолъ сталъ избирательнымъ. 27 іюля крымское собраніе въ Карасубазарѣ подписало присяжный листъ о союзѣ съ Россіей. Затѣмъ стали выбирать хана и такимъ выбрали Сагибъ-Гирея, брата Шагинъ-Гирея, который дѣятельно руководилъ переговорами собранія съ главно-командующимъ, самаго же Шагина избрали пашею²⁾.

Такъ возникло новое независимое государство, союзное съ Россіей, татарская область. По новому плану Щербинину велѣно было и не думать объ отдѣленіи ногайцевъ; наоборотъ ногайцы, признавъ ханомъ Сагиба, должны были составить съ крымцами одно государство³⁾.

¹⁾ „Объ отложеніи татаръ“, жур. гр. Панина въ Чт. Общ. Ист. и Древ. 1871 г., 4 кн., 48 стр.

²⁾ Ibid., 66 стр.; Архивъ Госуд. Сов., т. I, 94—98 стр.

³⁾ Ibid., 107 стр.

Теперь татарской области предстояло устроиться, надо было ей окончательно условиться съ союзникомъ, надо было засвидѣтельствовать ему свою дружбу и довѣріе, надо было уладить нѣкоторыя требованія, предъявленные имъ.

Для засвидѣтельствованія дружбы и довѣрія былъ посланъ отъ имени татарской области калга Шагинъ-Гирей. Оставивъ крымцамъ самимъ условливаться и трактовать объ уступкѣ Россіи крѣпостей Керчи и Еникале, Шагинъ 25-го августа выѣхалъ въ Петербургъ, имѣя при себѣ присяжный листъ и грамоту объ избраніи Сагиба.— Калга прибылъ въ Петербургъ въ 20-хъ числахъ ноября. Ему отвели прекрасное помѣщеніе, окружили вниманіемъ. Въмѣсто 50 рублей, получаемыхъ имъ въ пути ежедневно на содержаніе, было назначено по прибытіи 100 рублей¹⁾. Съ первыхъ же дней пріѣзда крымскій наслѣдникъ обратилъ всеобщее вниманіе. Красивый, образованный татаринъ не чуждался общества и, очутившись въ центрѣ цивилизаціи, жилъ европейцемъ. Одно лишь самолюбіе Гирея привело его сначала къ нѣкоторымъ недоразумѣніямъ. Сознавая, какъ онъ самъ выразился, что въ его карманѣ и въ его силѣ заключается все, что касается татарскаго народа, онъ требовалъ, чтобы Панинъ первый сдѣлалъ ему визитъ. Изъ-за этого возникли столкновенія двора съ калгой. Сначала попробовали убѣдить его переговорами отстать отъ подобнаго требованія, какъ не идущаго къ нему, и чиновникъ иностранной коллегіи не мало истощилъ краснорѣчія въ разговорѣ по этому поводу съ Шагиномъ, но безуспѣшно. Тогда совѣтъ рѣшилъ послать папѣ письменное объявленіе, въ которомъ отъ имени императорскаго двора было указано на упрямство его въ неисполненіи обязанностей по церемоніалу и обрядамъ, всегда и непремѣнно наблюдаемымъ при императорскомъ дворѣ; папѣ напомнили, что «онъ является, какъ посолъ хана крымскаго, просить о подтвержденіи его въ томъ достоинствѣ, которое получилъ, хотя и по добровольному всего татарскаго общества избранію, однако пособіемъ ея величества»²⁾. Шагинъ отсталъ отъ своего требованія относительно визита, но его «претительность» не окончилась этимъ. 22-го ноября Панинъ жаловался совѣту, что

¹⁾ Ibid., 126 стр., Ист. Росс. Солов., 28 т., 229 стр.

²⁾ Ист. Росс. Солов., 28 т., 231 стр.

паша не соглашается снимать шапки на предстоящей аудіенціи, такъ какъ того не позволяетъ ему магометанскій законъ, въ случаѣ нарушенія котораго ему нельзя будетъ возвратиться въ отечество, не подвергаясь всеобщему порицанію, а можетъ быть и ругательству ¹⁾. Послѣднему требованію пришлось уступить и, чтобы дать этому дѣлу благовидную окраску, совѣтъ рѣшилъ послать пашѣ въ подарокъ шапку, по случаю освобожденія татарскихъ народовъ. По этой причинѣ, объявлялъ совѣтъ, императрица жалуется татарскому народу тотъ самый церемоніаль, какой употребляется въ сношеніяхъ съ Портою и персидскимъ государствомъ, позволяя въ тоже время и всѣмъ вообще татарамъ отнынѣ являться вездѣ съ покрытыми головами ²⁾. Этимъ и окончились недоразумѣнія, послѣ чего Шагинъ сталъ готовиться къ аудіенціи. 28 ноября совѣтъ слушалъ рѣчь, которую паша долженъ былъ говорить на аудіенціи, слушалъ и отвѣтъ на нее ³⁾. Вслѣдъ за этимъ послѣдовала и аудіенція, на которой паша вручилъ привезенныя бумаги, произнесъ рѣчь и произвелъ самое выгодное впечатлѣніе.

Послѣ этого Шагинъ зажилъ обыкновенной жизнью въ столицѣ, привлекая къ себѣ все большую и большую симпатію. Живой, любознательный паша не сидѣлъ дома въ кругу своихъ татаръ, которые пріѣхали послами отъ ногайскихъ ордъ. Съ собственнымъ ему интересомъ присматривался онъ ко всему; не упуская изъ вида политики и извѣстій изъ Крыма и съ береговъ Дуная, Шагинъ одинаково интересовался и всей окружающей обстановкой. Онъ то бываетъ на парадахъ, то осматриваетъ достопримѣчательности въ области науки, искусства и промышленности, не пропускаетъ ни одного спектакля въ театрѣ, по воскресеньямъ послѣ обѣда смотритъ, какъ танцуютъ воспитанницы въ Смольномъ монастырѣ ⁴⁾. Однимъ словомъ весь Петербургъ, обращавшій сначала вниманіе на пріѣзжаго мусульманина, мало по малу на столько привыкъ его постоянно видѣть, что появленіе его въ публичныхъ мѣстахъ считалось самымъ обыкновеннымъ дѣломъ. Любезность,

¹⁾ Арх. Госуд. Сов., т. I, 122 стр.

²⁾ Ibid., 125 стр. Ист. Рос. Сол., 28 т., 231 стр.

³⁾ Арх. Госуд. Совѣтъ, т. I, 127 стр.

⁴⁾ Ист. Рос. Сол., 28 т., 348 стр.

привѣтливость, внѣшній лоскъ, развивавшіеся подъ вліяніемъ петербургской обстановки, пріобрѣли ему много поклонниковъ. Его находили интереснымъ. Въ письмѣ къ Вольтеру Екатерина писала: «у насъ здѣсь въ настоящее время папа султанъ, братъ независимаго хана крымскаго; это молодой человѣкъ 25-ти лѣтъ, умный и желающій себя образовать» ¹⁾. Въ другомъ письмѣ императрица дѣлала такой отзывъ о немъ: «крымскій дофѣнъ—самый любезный татаринъ: онъ хорошъ собою, уменъ, образованъ не по татарски; пишетъ стихи; хочетъ все видѣть и все знать; всѣ полюбили его» ²⁾.

Одинъ только Панинъ не совсѣмъ благосклонно смотрѣлъ на Шагина и огорчался тѣми тратами, которыя дѣлалъ татарскій дофѣнъ на свою европейскую жизнь. Тотчасъ по пріѣздѣ въ Петербургъ калга получилъ, кромѣ подарковъ: шубы, платья, богатаго серебрянаго сервиза и выдаваемого суточнаго жалованья, еще пять тысячъ на расходы. Не на долго хватила выданная сумма. Панинъ долженъ былъ испросить новую сумму ³⁾. Выдали 10 т., которыя также скоро были израсходованы. Шагинъ нуждался въ деньгахъ и добывалъ ихъ на сторонѣ, закладывая драгоценныя вещи, полученные имъ въ подарокъ отъ императрицы. Такъ, по случаю аудіенціи въ Царскомъ Селѣ, ему были пожалованы перстень и табакерка. Эти вещи онъ заложилъ купцу Лазареву и Панину пришлось выкупить ихъ потомъ за 8,500 рублей ⁴⁾.

(17 февраля 1772 года послы отъ четырехъ ногайскихъ ордъ были отпущены изъ Петербурга съ Высочайшими грамотами на имя каждаго изъ ногайскихъ народовъ ⁵⁾. Въ началѣ мая выѣхали и прибывшіе съ Шагиномъ крымскіе депутаты, которымъ вручили одну грамоту крымскому обществу, другую «возвѣстительную» хану ⁶⁾. Самъ Шагинъ остался въ Петербургѣ.

Какъ представитель татарской области, объявившей себя въ союзѣ съ Россіей, Шагинъ и не могъ выѣхать, ибо отношенія

¹⁾ Сбор. Рус. Ист. Общ., XIII т., 180 стр.

²⁾ Ист. Рос. Сол., 28 т., 348 стр.

³⁾ Ibid., 349 стр.

⁴⁾ Сб. Рус. Ист. Общ., 28 т., 206 стр.

⁵⁾ Чт. Общ. Ист. и Древ. 71 г., 4 кн., 76 стр.

⁶⁾ Ibid., 198 и 109 стр.

между двумя державами не были еще улажены. Союзники ни за что не соглашались уступить намъ Керчь и Еникале. Самъ ханъ возсталъ противъ предложенія отдать эти крѣпости въ видахъ обезпеченія татарской независимости. «Татарская область самостоятельна и независима, а потому она должна защищаться и отстаивать себя собственными средствами», говорилъ Сагибъ-Гирей Долгорукову ¹⁾. Шагинъ писалъ брату и совѣтовалъ не упорствовать, но не помочь дѣлу ²⁾.

Дѣла въ Крыму осложнялись подъ вліяніемъ партіи, тянувшей къ Турціи. Узнавъ, что Турція прервала свои переговоры, начавшіеся въ Фокшанахъ, изъ-за независимости татаръ и уступки крѣпостей, турецкая партія стала дѣйствовать рѣшительнѣе. Она объявила, что Крымъ не хочетъ быть независимымъ и отвергала союзъ, объявленный Россією. Щербининъ терялъ надежду на успѣхъ negociacji съ крымцами. Переговоривъ съ вѣрнымъ Джанъ-Мамбетомъ, онъ пишетъ въ Петербургъ о необходимости удержать по крайней мѣрѣ ногайцевъ, назначивъ имъ Шагива сераскиромъ и, отдѣливъ ихъ такимъ образомъ отъ крымцевъ, лишить Крымъ существенной поддержки ³⁾. Совѣтъ рѣшилъ имѣть въ виду планъ Щербинина, предлагаемый имъ во второй разъ, но подобно тому, какъ въ 1771 г. больше интересовались крымцами, чѣмъ ногайцами, такъ и теперь вниманіе было устремлено на Крымъ. Ногайцамъ рѣшили выдать до 10 т. рублей подарками, чтобы удержать ихъ отъ турецкихъ соблазновъ, и занялись Крымомъ, который возвращался къ прежнему своему положенію. Опять потребовались болѣе существенныя мѣры, чѣмъ бесполезныя увѣщанія. Генералу Щербатову было приказано стянуть войска, а генералу Прозоровскому идти съ корпусомъ въ Крымъ ⁴⁾. Щербининъ долженъ былъ дѣйствовать чрезъ обласканныхъ ногайцевъ и, пославъ отъ нихъ депутатовъ въ Крымъ, требовать исполненія данныхъ Россіи обѣщаній. Наконецъ Долгоруковъ долженъ былъ, по приведеніи въ исполненіе нужныхъ мѣръ,

¹⁾ Ист. Рос. Сол., 28 т., 347 стр.

²⁾ Арх. Гос. Сов., т. I, 141 стр. Чт. Общ. Ист. и Древ., 71 г., 4 кн., 125 стр.

³⁾ Арх. Гос. Сов., т. I, 153 стр.

⁴⁾ Сбор. Русс. Ист. Общ., т. XIII, стр. 269. Арх. Гос. Сов., I т., 168 стр.

заключить формальный трактатъ съ татарскою областю, который, помимо установленія отношеній между союзовившимися державами, нуженъ былъ въ переговорахъ съ Турціею, отрицавшею татарскую независимость ¹⁾).

Сталъ собираться въ дорогу и Шагинъ. 9-го августа совѣтъ слушалъ рѣчь, которую паша приготовилъ для отпускнуой аудіенціи ²⁾). Затѣмъ начались сборы. Шагину даны были новые подарки; подарена была сабля, оправленная въ золото и украшенная драгоценными камнями. Для отправленія паша Панинъ просилъ денегъ и отправилъ совѣту счетъ въ 46,561 р., необходимыхъ на выѣздъ Шагина ³⁾). Нужно было еще выкупить заложенные вещи.

Но пока собирался Шагинъ, дѣла въ Крыму стали улаживаться и безъ него. 19 сентября Долгоруковъ разбилъ татарскія скопища, производившія безпорядокъ, а 29 Щербининъ былъ приглашенъ въ Карасубазаръ для соглашеній ⁴⁾). Здѣсь собрались ширины, знатные мурзы, депутаты отъ ногайцевъ, представители бейскихъ поколѣній. 1-го ноября они подписали трактатъ, которымъ татарскіе народы признавали себя независимыми, составляющими одну область, объявляли себя въ союзъ и дружбѣ съ Россіею, въ знакъ чего уступали ей «во всегдашнее содержаніе» Керчь и Еникале ⁵⁾). Оставалось теперь ратификовать трактатъ и тѣмъ покончить недоразумѣнія.

Наконецъ въ концѣ года выѣхалъ изъ Петербурга Шагинъ. 10 декабря совѣтъ вручилъ ему письма для передачи Долгорукову и Щербинину ⁶⁾). Кромѣ того онъ везъ съ собою Высочайшій рескриптъ хану. Шагинъ вернулся въ Крымъ сильно измѣнившимся. Пребываніе въ Петербургѣ произвело на него рѣшительное вліяніе. Принимая близкое участіе въ татарскомъ дѣлѣ, которому въ Петербургѣ давали направленіе почти на его глазахъ, честолюбивый, паша сталъ смотрѣть на себя, какъ на призваннаго самой судьбою къ рѣшенію участи своего отечества. Обстоятельства подтверждали

¹⁾ Чтенія Общ. ист. и древ., 1871 г., 4 к. 131 стр.

²⁾ Арх. Гос. Сов., т. I, 199 стр.

³⁾ Ibid.

⁴⁾ Ibid., 207 и 208 стр.

⁵⁾ Пол. Соб. Зак., т. XIX, № 13934.

⁶⁾ Арх. Гос. Сов., т. I, стр. 220.

это: Щербининъ два раза представлялъ въ Петербургъ о необходимости избрать его главою погайцевъ и совѣтъ раздѣлялъ это предложеніе. Но что могло значить сераскирство или даже ханство надъ кочевниками для татарскаго дофина, увлеченнаго европейской цивилизаціей и тѣмъ могуществомъ, какое она доставляла? Въ его головѣ раждался образъ другой власти—образъ ханскаго престола независимаго отъ Турціи, могущественнаго, славнаго. Этотъ престолъ долженъ быть воздвигнутъ въ Крыму, который, получивъ независимость, долженъ воспрянуть къ новой жизни, къ новой роли, къ такой роли, которая въ состояніи была бы затмить все созданное когда либо Гиреями, превзойти славу Чингизовой монархіи. И эту жизнь могъ вдохнуть только онъ.

Чѣмъ болѣе онъ думалъ объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждался въ высотѣ своего призванія. Образъ черноморской имперіи Гиреевъ, принимавшій болѣе и болѣе грандіозные размѣры, овладѣлъ всѣмъ его воображеніемъ.

Но пока, ему предстояло вступить въ обязанность паша при крымскомъ ханѣ, который не замедлил по прибытіи Шагина созвать совѣтъ изъ знатнѣйшихъ лицъ ¹⁾. Въ это собраніе является Шагинъ. Здѣсь онъ превозноситъ щедроты государыни, объявляетъ, что будетъ всегда благодаренъ ей и усерденъ къ русскому союзу, заявляетъ, что Россія оказала Крыму неизъяснимое благо, предоставивъ ему независимость, ибо только въ союзѣ съ нею заключается счастье и благоденствіе Крыма; потомъ съ укоромъ обращается къ собранію и спрашиваетъ, что произвело непостоянство въ ихъ поведеніи, что побудило къ коварству, обману нарушенію клятвы? ²⁾. Собраніе отвѣтило по своему: «мы одинаково боимся какъ Россіи, такъ и Турціи; находясь въ опасности отъ первой, мы согласились на ея предложенія, боясь другой, сносились съ нею, считая себя зависимыми. Дѣйствіями Россіи, отнимающей у насъ земли и обращающейся съ нами лживо, мы теперь обмануты и огорчены».—«Ничего подобнаго Россія не дѣлаетъ»! съ жаромъ возразилъ паша. Да если бы Россія захотѣла бы мстить за вѣроломство, то ничего ей не стоитъ обратить Крымъ въ пу-

¹⁾ Ист. Рос. Сол., 29 т., стр. 31.

²⁾ Ibid., стр. 32.